

Йосиф Кац

Уважаемые участники международной научной конференции!

Прежде всего – благодарю за предоставленную мне возможность выступить перед вами и одновременно – за возложеную на меня почетную ответственность познакомить вас с основными вехами на историческом пути, пройденном еврейством Эстонии с момента зарождения этого понятия вплоть до восьмидесятых годов прошлого уже XX века.

Начиная наш ограниченный временными рамками экскурс в минувшее, мы должны уяснить для себя парадоксальную вещь. История эстонского еврейства – явление, в недостаточной степени исследованное и по сей день. Не смотря на ряд научно-популярных изданий двадцатых-тридцатых годов XX столетия, не смотря на несколько десятков публикаций последних двадцати лет, в той или иной степени затрагивающих различные аспекты еврейской истории Эстонии, мы вынуждены признать – у нас не было своего Греца и своего Дубнова: авторов академических монографий, служащих фундаментом для любых последующих исследователей. Не будет преувеличением сказать, что выход изучения истории еврейства Эстонии на академический уровень – задача ныне живущего поколения.

Сколько же поколений еврейского народа жило на землях современной Эстонской Республики до сегодняшнего момента? Ответ на этот вопрос дать не так сложно. Исследователи времен предвоенной Эстонской Республики оставили нам в наследство романтическую версию о том, что именно ганзейский Ревель был городом, в архивах которого сохранилось упоминание о первом еврее на северо-восточном берегу Балтийского моря – некоем странствующем лекаре Йоханнесе Йоде, посетившем сегодняшний Таллинн в 1333 году. Малочисленные сведения об отдельных проживавших на территории современной Эстонии евреях встречаются на протяжении всего времени орденского, а так же шведского правления. Несколько более частыми становятся они в 18 столетии, после того, как Эстляндия и Лифляндия переходят под власть российской короны. Однако по сравнению с Латвией и, особенно, с Литвой сведения эти – капля в море. Это и неудивительно: «черта оседлости», или точнее, «черта оседлого проживания лиц иудейского исповедания», установленная правительством Екатерины II в 1791 году не позволяла селиться ставшим российскими подданными евреям за бывшей границей Польского королевства, в том числе и на территории современной Эстонской Республики.

Принято считать, что более-менее стабильное еврейское население в городах современной Эстонии стало складываться на рубеже первой-второй трети 19 века, во времена правления российского императора Николая I. Известно, например, что в 1933 году действовавшее в Таллинне литературно-драматическое общество имени Х.Н.Бялика намеревалось отметить столетие Таллиннской еврейской общины. Неизвестно, какое именно событие было принято в качестве «нулевой точки отсчета»: сведения о первой таллиннской синагоге, например, датируются 1846 годом, о кладбище – 1844-м. Между тем составленная по заказу ревельского магистрата еще в 1820 году анкета, свидетельствует о том, что 36 жителей города назвали в качестве вероисповедания «моисеево», т.е. иудаизм.

На мой взгляд ситуация видится следующим образом. Незначительное количество в значительной степени эмансипированных «немцев моисеевой веры», скорее всего – купцов, могли проживать в Ревеле еще до того, как он стал сборным пунктом для кантонистов – насильно забранных в российскую армию еврейских подростков и юношей.

Не исключено, что упомянутые в анкете таллиннцы «моисеевой веры» были подданными не Российской империи, а какого-то иного европейского государства и антиеврейское законодательство распространялось на них не в полной мере. В любом случае, распространенное мнение о том, что пригнанные в Ревель кантонисты были первыми здешними евреями, имевшими право на постоянное проживание требует уточнения.

Говоря об истоках еврейства Эстонии не стоит забывать и еще об одном факторе, абсолютно, при том, уникальном. Речь идет о вторично открывшемся в 1802 году Тартуском университете. Известно, что вплоть до начала русификации восьмидесятих годов 19 века он заслужено пользовался славой одного из оазисов вольнодумства. Вопрос в том, насколько это вольнодумство было близко проживающим в границах Российской империи евреям, но имеются свидетельства о том, что эмансипированные в немецкой культуре курляндские евреи охотно посылали учиться в Дерпт своих сыновей. Курьеза ради стоит упомянуть еще об одной группе еврейского населения, так же связанных с деятельностью университета: фиктивных «больных», за известную мзду получавших справку о необходимости длительного лечения у профессоров университетской клиники и умудрявшихся, таким образом, закрепиться вне границ «черты оседлости» - в Тарту.

Новый приток еврейского населения на территорию современной Эстонии связан с реформами Александра II пятидесятих-шестидесятих годов 19 века. Согласно изменению в законодательстве право проживания за пределами «черты» оседлости распространялось не только на «николаевских солдат» - отслуживших в армии бывших кантонистов и членов их семей, но и купцов I и II гильдий, на лиц «свободных профессий», а так же на ремесленников. Увеличение численности живущих на территории Эстляндской губернии евреев связан также с вычеркиванием Ревеля из списка крепостей, равно как и прокладка Петербурго-Ревельско-Балтишпортской железной дороги.

Говоря о еврейском населении Эстонии царского времени следует упомянуть, что в культурном развитии у нас нет поводов восхищаться им сверх меры. Судя по косвенным свидетельствам, вплоть до начала десятих годов XX столетия оно оставалось достаточно консервативным и традиционным. В то время, как Хаскала или эмансипация владела умами значительной части по крайней мере молодежи таких ближайших центров еврейской жизни как Рига и Вильно, Ревель оставался в тени новшеств. Символом эстонского, или точнее, эстляндского, еврейства XIX века остается сооружение в 1884 году таллиннской хоральной синагоге, гордости местных евреев, погибшей в огне Второй мировой войны.

Крушение Российской империи и провозглашение государственной независимости Эстонской Республики имело для евреев Эстонии решающее значение. Их лидеры приняли решение поддержать молодое государство, в первом же своем манифесте упоминувшее евреев среди равноправных народов Эстонии. Участие евреев в Освободительной войне 1918-20 годов – знаменательная страница в истории эстонского еврейства: память о нем современная ЕОЭ намерена увековечить открытием мемориальной доски в ноябре нынешнего года. Уместным будет упомянуть, что в отличии от Латвии, Литвы, Польши евреев Эстонии не оказалось на стороне большевиков – по крайней мере, зафиксированных сведений об этом до нас не дошло. Зато протокол заседания уже упоминавшегося выше общества имени Бялика говорит о принятом в начале февраля 1919 года решении – принять участие в проводившемся на площади Вабадусе параде в честь первой годовщины создания ЭР.

Двадцатые-тридцатые годы заслужено называют «золотым веком евреев Эстонии». Зарождение еврейской периодики, среднего образования, радиовещания, культурно-

просветительских обществ, открытие при Тартуском университете кафедры иудаистики, предоставление культурной автономии – всему этому мы обязаны временам независимой Эстонской Республики. В этот же период начинается активный культурный обмен между евреями и эстонцами: достаточно упомянуть, хотя бы тот факт, что открытие здания Таллиннской еврейской гимназии почтили своим присутствием первые лица государства, а отец всемирно известного тенора Георга Отса – певец Карл Отс охотно принимал участие в концертах еврейской музыки. Не будет справедливым, однако, заявлять о довоенной ЭР, как о единственном в Европе государстве, не ведавшем антисемитизма: юдофобия была присуща определенным слоям населения. Однако государственного антисемитизма в предвоенной Эстонии не существовало, что выгодно выделяло ее от своих восточноевропейских и балтийских соседей.

Завершая разговор о периоде между двумя мировыми войнами, необходимо подчеркнуть, что именно в этот временной отрезок сформировался тот термин, которым мы оперируем – эстонское еврейство. Немногочисленное и не слишком подверженное эмиграционным и иммиграционным процессам – хотя в годы революции и гражданской войны определенная часть российских евреев и укрылась в Эстонии, а часть совершила в тридцатые годы алию в подмандатную Палестину – оно представляло собой хорошо организованную группу национального меньшинства, проживающего в дружбе и согласии со своими соседями и пользующуюся всеми благами, которые предоставляло им законодательство ЭР.

Трагические для всей Эстонии события лета 1940 года негативно отразились и на местном еврействе. Ликвидация всех еврейских общинных структур, обществ, организаций и, как кульминация, депортация значительной части еврейского населения во время июньской депортации 1941 года нанесли ему тяжкий урон. При этом надо отметить, что высылка в отдаленные районы СССР оказались в определенном смысле «положительным фактором»: депортированным удалось избежать тотального уничтожения от руки германских нацистов и местных коллаборационистов. Однако подобные доводы звучат цинично по отношению к тем, кому так и не довелось вернуться на родину, став лагерной пылью...

Судьба эстонского еврейства в годы Второй мировой войны, Холокост на территории оккупированной нацистской Германией Эстонии – тема чрезвычайно тяжелая, трагическая и болезненная. Возмутительна позиция тех, кто пытается снять любую ответственность за истребление еврейского населения с сотрудничавших с нацистами эстонских коллаборантов. Кощунственна позиция тех, кто пытается воспользоваться этой позорной страницей истории в качестве «козырной карты» во время политических баталий наших дней. Особо важно, потому, сделать акцент на том обстоятельстве, что признание территории нынешней Эстонии на печально знаменитой Ванзейской конференции «юденфрай», связана не с особой жестокостью или антисемитизмом местного населения, а с чисто демографическим казусом: большая часть пятитысячного предвоенного еврейства Эстонии смогла выехать в советский тыл. Уничтожить же оставшуюся тысячу было проще по причине ее малочисленности...

В связи с временными рамками, вне рамок нашего экскурса мы вынуждены оставить такие трагические страницы истории, как уничтожение в устроенных нацистами на территории оккупированной Эстонии лагерях еврейского населения из иных государств – Литвы и Чехословакии, прежде всего. Оставим в стороне и судьбу двух синагогальных зданий – таллиннского и тартуского, – погибших в 1944 году. Обратим вместо этого внимание на светлый исторический парадокс: после трагических событий Холокоста, по-видимому, вся Эстония и, однозначно, ее столица – Таллинн – оказались, вероятно единственным регионом Европы, где еврейское население не сократилось

а...увеличилось. Объясняется этот феномен просто: подавляющее большинство эвакуированных и часть ссыльных вернулись на родину. Достаточно скоро к ним прибавились евреи из других районов СССР – военнотружущие, военные и гражданские специалисты, определенный процент творческой интеллигенции. В ЭССР их привлекали два фактора – относительно высокий, «почти западный» уровень и образ жизни, а так же – отсутствие негласно поощряемого антисемитизма.

Совесткая власть, в двадцатые-тридцатые годы достаточно благосклонно относившаяся к еврейской культуре, создаваемой на языке идиш, в послевоенный период пересмотрела свои позиции: за исключением синагогальной, любая иная форма еврейской жизни оказалась в последние годы правления Сталина под запретом. Этим обстоятельством, в немалой степени, был обусловлен разрыв между довоенным «эстонским», и вновьприбывшим, «советским» еврейством ЭССР. Первые помнили «золотой век» времен Эстонской Республики, вторые же, в массе своей, были ассимилированными или стремящимися к ассимиляции «советскими гражданами». Характерно, что в попытках возрождения еврейской жизни, предпринятых в годы хрущевской «оттепели», - организации драматического кружка в Таллинне, в частности – участие принимали, как правило, потомки довоенных, «эстонских» евреев. Впрочем, борьба за предоставление выезда из СССР на историческую родину – в Израиль – уравнивала в правах как «старожилов», так и «вновьприбывших».

Незаметно для себя мы подошли к рубежу середины восьмидесятых годов – началу реформ в Советском союзе и росту национального самосознания населяющих его народов. Отрадно отметить, что еврейство Эстонии было в авангарде этого процесса, послужив примером для других живущих в тогдашней ЭССР национальных меньшинств. В любом случае, история возрождения общественной и общинной жизни эстонского еврейства остается вне рамок моего доклада. И, прежде чем отблагодарить слушателей за внимание, я позволю вернуться к вопросу, заданому в самом начале: сколько же поколений еврейского народа жило и живет на земле Эстонии?

Если признать за срок жизни поколения 25-30 лет, а за приблизительную «нулевую точку отсчета» первую треть 19 века, путем нехитрых вычислений мы получим цифру 6 или 7. Хочется верить, что ей суждено увеличиваться и увеличиваться и впредь.